

RU

Концепт ЖИЗНЬ как репрезентант культурологического подтекста
в рассказах Н. Н. Толстой «Быть как все» и «Вид из окна»

Ракова И. В.

Аннотация. Цель исследования - выявить культурологический подтекст в рассказах Н. Н. Толстой «Быть как все» и «Вид из окна» через семантические варианты понятийного концепта ЖИЗНЬ. Научная новизна работы связана с рассмотрением понятийного концепта в рамках интертекстов как репрезентанта национального когнитивного пространства в конкретный промежуток времени. В результате исследования удалось установить, что понятийный концепт, попадая в «интертекстовые блоки», способен проявлять особенности языкового сознания нации, характерные для определённого временного периода, и демонстрировать внеязыковую действительность того или иного исторического этапа. В частности, в текстах Н. Н. Толстой были обнаружены семантические варианты, отражающие культурную ситуацию в Советском Союзе в послевоенные и в 60-е годы, а также особенности мировоззрения и идеологии тех периодов.

EN

The LIFE Concept as a Representative of the Cultural Subtext
in N. N. Tolstaya's Short Stories "To Be like Everyone Else"
and "The View from the Window"

Rakova I. V.

Abstract. The aim of the study is to identify the cultural subtext in N. N. Tolstaya's short stories "To Be like Everyone Else" and "The View from the Window" through semantic variants of the notional concept LIFE. Scientific novelty of the paper lies in considering the notional concept within the framework of intertexts as a representative of the national cognitive space in a specific time period. As a result of the study, it was possible to determine that a notional concept, when it is within "intertext blocks", is able to manifest the peculiarities of the linguistic consciousness of a nation that are characteristic of a certain time period and demonstrate the extralinguistic reality of any given historical stage. In particular, N. N. Tolstaya's texts revealed semantic variants reflecting the cultural situation in the Soviet Union during the post-war years and in the 60s, as well as the peculiarities of the worldview and ideology of those periods.

Введение

Лексико-семантический уровень является основной базой при экспликации и развёртывании системы смысла художественного текста, а в качестве наиболее универсального элемента смысловой системы определяется концепт.

Однако при общности взгляда на концепт как на многокомпонентную смысловую структуру подходы к нему разнятся и сводятся к двум, базирующимся на разграничении двух типов концептов, представленных ещё в статье С. А. Аскольдова-Алексеева (1997) «Концепт и слово», а именно: познавательных и художественных.

Следуя данному разграничению, в первом случае к понятию «концепт» подходят со стороны лексикологии и лексикографии, понимая под ним ментально-психологический комплекс, отражающий опыт и знания конкретного человеческого общества. Концептами при таком подходе становятся слова, за которыми стоят сущностные понятия, общности, лежащие в основе мировых отношений, вследствие чего они эксплицируют коллективное когнитивное пространство. Данные слова-концепты существуют как уже обозначенные. Путём же сбора и анализа цитат, их содержащих, исследователи вычленяют концептуальные значения, складывающиеся впоследствии в концептуальное поле.

Именно благодаря многокомпонентности и способности активизировать то одну, то другую из своих семантических составляющих познавательные концепты существуют во времени.

При втором подходе берётся за основу понятие художественного концепта и сферой исследования становится пространство художественного текста как реализатора индивидуального когнитивного пространства. В данном случае текст является источником концептуализации. Концептуальное пространство складывается в рамках текста в результате анализа парадигматики и синтагматики ключевых слов.

Художественные концепты, обладая повышенной образностью и неопределённостью возможностей, находятся всё-таки в рамках одного языкового сознания. Следовательно, в случае художественных концептов в большей степени можно говорить о вертикали смысла, чем о горизонтали. Наряду с этими двумя подходами представляется возможным и третий – **экзистенциально-художественный**.

В художественном тексте, как правило, всегда реализуются сущностные познавательные концепты. При этом мы имеем дело с индивидуально-текстовой реализацией сущностных понятий. Но, как уже отмечалось, художественный текст концептуален по своей природе; мировосприятие воплощается в образной форме.

Именно это обстоятельство и определяет возможность концептуализации практически любого слова-понятия.

В результате генерируются два понятия: художественного и познавательного концептов, и, как следствие, познавательный концепт приобретает конденсированный характер, содержа в себе наряду с информацией универсального характера культурно значимую информацию, информацию национального типа.

Благодаря же ассоциативной природе художественного компонента рассматриваемых единиц к ним может быть применён метод семантических ассоциаций, стереотипов, широко используемый в психолингвистике, базирующийся на диалогическом методе изучения языка, суть которого состоит в «определении универсальных характеристик заданных культурных концептов и выявлении их национальной культурно-языковой специфики на основе диалога ценностных суждений, вытекающих из стереотипов национального поведения» (Мишатица, 2002, с. 146).

Однако, функционируя в художественном тексте, понятийные концепты наряду с репрезентацией языкового сознания нации могут обнаруживать временной, образно представимый, уходящий характер, эксплицируя особенности языкового сознания автора текста.

Следовательно, при решении проблемы «декодирования» лингвокультурной смысловой стороны текстов необходимо обращаться лишь к тем познавательным концептам, которые переходят в общекультурный фон и обладают прецедентным характером, т.е. отсылают нас к культурной памяти этноса.

Материалом для исследования послужили рассказы Н. Н. Толстой «Вид из окна» и «Быть как все» (Толстая Н. Н., Толстая Т. Н. Двое: разное. М., 2002), представляющие собой художественное осмысление оставшихся в памяти знаковых деталей ушедшего века и их влияния на жизнь людей.

Актуальность работы обусловлена тем, что рассмотрение познавательных концептов в рамках художественного текста позволяет, оставаясь в пределах универсального, выявить национальные коннотации, связанные с индивидуальным сознанием автора как представителя определённой культуры и восходящие к знаниям о жизни конкретной лингвокультурной общности, что, в свою очередь, способствует процессу «декодирования» культурологического подтекста художественных текстов.

Задачами исследования являются следующие:

- 1) выявить интертексты в художественном пространстве литературного произведения;
- 2) рассмотреть их с точки зрения содержания понятийных концептов;
- 3) эксплицировать культурологическую информацию посредством сравнительно-сопоставительного анализа интерпретаций семантического пространства последних и их ассоциативных связей, возникающих в русском сознании.

Под интертекстами вслед за Г. В. Денисовой (2003) мы понимаем не только собственно «тексты в тексте» (цитаты, аллюзии, центонные тексты), но и «интертексты-стереотипы» – любые «готовые» единицы языка, отличающиеся принципиальной нерелевантностью авторства и функционирующие в речи аналогично клише, что даёт возможность рассматривать их как знаки, выполняющие в общении функцию «культурного кода», знание которого позволяет индивидууму идентифицировать себя с данной лингвокультурной общностью (Денисова, 2003), а также «стереотипные ситуации» эпохи, предстающие как знаки, символы цитируемой культуры.

Для решения поставленных задач в работе используется сравнительно-сопоставительный метод при анализе интерпретаций семантического пространства концептов и их ассоциативных связей и метод семантических ассоциаций.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых является изучение природы понятия концепта и рассмотрение роли концептуального анализа в процессе экспликации смысла художественного текста. Так, в частности, большинство учёных определяют концепт в рамках логических отношений экстенционала и интенционала в сфере семиотики (Фреге, 1978; Колесов, 1992; Степанов, 1997; Телия, 1996). В то же время одни понимают под концептом лишь содержание понятия, соотносимого со словом или рядом слов (Степанов, 1997; Телия, 1996; Фрумкина, 1992), а другие – «напряжённую, энергичную конвенцию объёма и содержания понятия» (Проскуряков, 2000, с. 5). К. Прибрам (1989) обращает внимание на синкретизм и динамизм концепта, обусловленный спецификой человеческого мозга. Также базой для исследования стали работы из области декодирования смыслового пространства художественного текста (Арнольд, 1999; Денисова, 2003).

Практическая значимость данного исследования видится в обращении к универсальным понятиям при обучении лингвокультурной компетенции в иностранной аудитории, поскольку, с одной стороны, для всех цивилизаций

характерен круг общих ценностей, а изучение и усвоение новых знаний целесообразнее на базе известного и понятного, а с другой – понятийные концепты отражают «реалии, занимающие в жизни этноса видное место, и, как результат, получают богатую историко-культурную «ауру»» (Жаркынбекова, 2003, с. 109). Кроме этого, полученные результаты могут быть использованы в вузах гуманитарного направления в курсе анализа текста.

Основная часть

Наше исследование посвящено анализу появляющихся в интертекстах понятийных концептов с точки зрения демонстрации ими национальной культурно-языковой специфики когнитивного сознания в определённый период времени на примере текстов Н. Н. Толстой «Вид из окна» и «Быть как все».

Одними из основных критериев при выявлении интертекстов и «правильности» прочтения интертекстуальных знаков и связей считаются основная тема повествования и текстуальные стратегии автора, заключённые прежде всего в заглавии текста и в его сильных позициях, дающих «первый толчок для преднастройки читателя» (Арнольд, 1999, с. 155-156). Заглавие и начало дают «общее представление о ситуации, о которой пойдёт речь в сообщении, и о системе кодов, в которой оно закодировано: оно и направляет возникновение ассоциаций» (Арнольд, 1999, с. 155-156).

В обоих произведениях в начале текста даётся отсылка к конкретному временному периоду: в рассказе «Вид из окна» – к 60-м годам XX века, и к послевоенным – в «Быть как все»:

«В то лето все играли в бадминтон с утра до вечера. <...> Но как весело и безмятежно жили летом шестидесятого года» (Вид из окна, с. 73).

«Послевоенные очереди были тихие и длинные» (Быть как все, с. 10).

Таким образом, одну из смысловых линий данных текстов мы можем интерпретировать как **воссоздание и описание конкретной эпохи**.

Следовательно, вычленив интертексты, мы должны ориентироваться на «знаки», так или иначе характеризующие, «цитирующие» выбранный временной период.

В «Виде из окна» в качестве интерпретаторов выступают отсылки к стереотипным ситуациям 60-х годов:

«В то лето все играли в бадминтон» (Толстая, 2002, с. 73).

«Сосед Серёжа поступал в то лето в театральный институт. Все понимали, что с его фамилией в институт не поступит. Он и не поступил» (Вид из окна, с. 73).

«Серёжина комната мало что говорила о её хозяйне: пустой стол, на полке одинокий том... майонезная банка, наполненная копейками – тогда все что-нибудь копили» (Вид из окна, с. 74).

«Он уже не жил тут, снимал комнату в коммуналке» (Вид из окна, с. 74).

В предлагаемых примерах единицами, отсылающими к 60-м годам, являются указательное местоимение «то» и наречие «тогда», а на стереотипность указывает употребление обобщённо-личного местоимения «все» в качестве субъекта действия. Посредством стереотипности проявляется когнитивный подтекст, апеллирующий к знанию читателя. Текст становится текстом-медиатором, сообщаящим читателю определённую информацию и в то же время тестирующим его на знание/незнание этой информации. При этом эксплицируется коллективный опыт, сводимый к предметной объективации человеческого опыта в виде знаний о предмете.

В «Быть как все» текстовую стратегию автора также можно определить как **воспроизведение и описание послевоенного времени**:

«Давали по полкило муки и десятку яиц в руки. Послевоенные очереди были тихие, длинные. Стояли с детьми и внуками, чтобы больше досталось» (Быть как все, с. 10).

«О том, что все квартиры коммунальные и что нет тут ни ванн, ни горячей воды, она уже знала от женщин из очереди» (Быть как все, с. 10).

В представленных примерах преобладает аористическая форма, характерная для «историографических намерений» (Benveniste, 1966). Возникает значение типичного, коллективного действия, от которого дистанцируется говорящий, занимая позицию наблюдателя. При этом акцент с индивидуальных воспоминаний смещается на уровень исторических фактов: характеризуется, описывается время.

Понятийным концептом, организующим описываемые ситуации, становится концепт ЖИЗНЬ, прочтываемый на первом этапе анализа текстов как «существование в какой-либо временной период».

Однако представляемые ситуации не только отсылают к жизненному опыту нескольких поколений адресатов, помнящих бадминтон, послевоенный голод, накопление денег в банках и бутылках, знающих о коммуналках, но и представляют определённую систему взглядов, оценок, определённую идеологию, т.е. являются культурными знаками описываемой эпохи. Они выполняют одновременно дейктическую (отсылают и указывают) и иконическую (создают образ) функции.

В примере: *«Все понимали, что с его фамилией в институт не поступит»* (Вид из окна, с. 73) – выражение «его фамилия» (в данном случае притяжательное местоимение «его» выполняет характеризующую функцию и воспринимается как указательное местоимение «такая») прочитывается как фамилия определённого типа – а именно еврейская, вследствие чего проявляется такая черта описываемой эпохи, как антисемитизм.

«Еврейская» тема возникает и в рассказе «Быть как все», также с установкой на демонстрацию отношения к евреям как со стороны правительства, так и общества:

«Наташа чувствовала себя виноватой и в том, что учительница пеня, Ида Ильинична, приходит в школу всегда с красными глазами» (Быть как все, с. 12).

«Другие учительницы **замолкали**, когда она (Ида Ильинична. – И. Р.) проходила мимо» (Быть как все, с. 12).

«Хозяина, Розенштейна, как забрали, так и **пропал**. Вредил, говорили» (Быть как все, с. 13).

Выражение «с красными глазами» и глагол «умолкали» воссоздают образ одинокого, страдающего человека-изгоя: еврея в советском обществе. Глагол «пропасть», представляя собой единицу дискурса времён сталинских репрессий, отсылает нас к ситуации арестов и расстрелов невинных людей, является своего рода культурным символом эпохи 30-х – 50-х годов.

В другом примере интертекста, представленного в рассказе «Вид из окна»: «Но как весело и безмятежно жили летом шестидесятого года» (с. 73) – наречие «безмятежно» маркирует эпоху 60-х годов как время «послабления» социального давления и характеризует как период без репрессий, относительно спокойный период «оттепели».

Итак, данные примеры демонстрируют нам раскрытие своеобразия определённого временного периода в жизни советского общества, а также типа сознания в этом обществе посредством интерпретации знаковых единиц, маркеров эпохи.

Что же касается концепта ЖИЗНЬ, то он начинает конкретизироваться – жизнь в послевоенное время или в 60-е годы, характеризуемая рядом черт, являющихся чертами культурного пространства тех периодов, и, как результат, сама эпоха претендует на концептуализацию.

В качестве культурных черт времени выступают:

Послевоенное время:

1. Недостаток продуктов.
2. Жизнь в коммуналках без отопления и горячей воды.
3. Аресты.
4. Антисемитизм.

60-е годы:

1. Время хрущёвской «оттепели».
2. Антисемитизм.

Таким образом, в текстах складывается миф послевоенной эпохи и эпохи 60-х годов. Понятие «миф» в данном случае понимается как синоним «коллективного подсознания», мировоззрения.

Однако авторская задача не исчерпывается воссозданием конкретных временных периодов жизни в Советском Союзе: второй темой исследуемых текстовых пространств можно считать **описание жизни отдельной личности в описываемые эпохи**. В «Быть как все» данная тема заявлена уже в названии: глагол «быть», прочитываемый в контексте рассказа как «жить» («жить как все»), отсылает нас к сознанию человека, живущего отлично от других и желающего это изменить. Примерами таких людей в тексте рассказа являются Наташа, её семья и учительница музыки Ида Ильинична.

Следуя представленному ранее механизму анализа текста, мы, выявив тему, обращаемся к фрагментам текста, её раскрывающим и в то же время обладающим интертекстуальным характером.

Одним из таких фрагментов становится отрывок с описанием жизни семьи Наташи как противопоставляемой жизни остальных людей:

«Наташа рано догадалась, что она виновата. Виновата, что на дом приходит учительница музыки и учительница английского. Что бабушка на такси возит в ТЮЗ <...> Что гости родителей не похожи на людей в очереди. Что няня водит в школу, а домработница стирает и готовит обед» (Быть как все, с. 12).

Описывая свою жизнь, ребёнок (Наташа) расценивает её как **негативную**, о чём свидетельствует краткое прилагательное «виновата» и высказанное далее желание девочки «превратиться бы в другую девочку и жить, как живут остальные» (Быть как все, с. 12).

Однако при рассмотрении альтернативы, так желаемой детским сознанием, жизнь Наташиной семьи начинает характеризоваться противоположным образом: как благополучная, счастливая – но уже не Наташей, а читателем:

«Превратиться... и жить, как живут остальные, в узких комнатах, где из книг только школьные учебники, где бабушки много пекут...» (Быть как все, с. 12).

Детали жизни «остальных», отсутствуя в жизни Наташи и её семьи, маркируют её как находящуюся на более высоком уровне, как в материальном, так и в духовном смысле. При этом описание жизни девочки и «людей в очереди» благодаря обобщённому характеру представленных деталей и признаков этих типов жизни не замыкается на отдельном индивидууме, а превращается в характеристику различных слоёв общества в Советском Союзе.

Перед нами жизнь интеллигенции и жизнь обывателей, находящиеся в оппозиции по таким признакам, как место культуры и искусства в жизни (в данном случае – литературы), уровень быта, уровень образования.

Концепт ЖИЗНЬ при этом прочитывается как «жизнь человека, непохожего на большинство других, **отличного** от них по уровню жизни, по образованию, по интересам, – **жизнь интеллигента в Советском Союзе**».

Другим примером «другого» человека, как мы уже ранее сказали, является Ида Ильинична. Само её имя обладает интертекстуальным характером как еврейское, отсылающее читателя к особенностям положения евреев в советское время.

Ида Ильинична живёт как всеми отвергнутое, никому не нужное, затравленное существо:

«Наташа чувствовала себя виноватой и в том, что учительница пения, Ида Ильинична, приходит в школу всегда с красными глазами <...> Уроки пения проходили в бывшей гимназической уборной» (Быть как все, с. 12).

«Наташа смотрела с любовью на Иду Ильиничну, но та никогда не поднимала глаз. Другие учительницы замолкали, когда она проходила мимо» (Быть как все, с. 12).

Жизнь Иды Ильиничны – это жизнь большинства евреев в описываемое время, проявление антисемитских взглядов правительства, о которых говорилось ранее в связи с характеристикой послевоенной эпохи.

В случае Иды Ильиничны в смысловом пространстве концепта ЖИЗНЬ возникает такой семантический вариант, как «**жизнь одинокого, отвергнутого человека – жизнь еврея**».

Характеристика же слоёв общества через отдельную личность, в свою очередь, указывает на тесную связь тем, заявленных в тексте рассказа (тема эпохи и тема жизни конкретного человека), друг друга определяющих и дополняющих: жизнь человека, с одной стороны, детерминируется особенностями эпохи, но, с другой стороны, из жизни людей складывается эпоха.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в рассказе «Вид из окна»: параллельно с темой «конкретной эпохи» в тексте обнаруживается тема «жизни отдельного человека в определённый временной период», заявленная в начале рассказа:

«Мне было семнадцать, и мы жили на даче» (Вид из окна, с. 73).

В «Виде из окна» показано множество различных жизней, судеб, и все они, являясь жизнями конкретных людей, с одной стороны, оказываются детерминированными эпохой и вследствие этого являются её дифференциальными признаками, а с другой стороны, – репрезентируют и характеризуют отдельные слои общества.

Жизнь Серёжи представляет собой образец жизни еврея в советском обществе и определяется такими чертами, как антисемитизм, дискриминация, одиночество, отстранённость:

«Сосед Серёжа поступал в то лето в театральный институт. **Все понимали, что с его фамилией в институт не поступит. Он и не поступил**» (Вид из окна, с. 73).

«Серёжина комната мало что говорила о её хозяйне: пустой стол, на полке **одинокий том**» (Вид из окна, с. 74).

«Он уже не жил тут: **ушёл из дому** и снимал комнату в коммуналке» (Вид из окна, с. 74).

Его эмиграцию в Швецию также можно считать культурно значимой деталью, поскольку большое количество евреев при появлении возможности эмиграции выехали из Советского Союза.

Однако жизнь Серёжи за границей не отличается особым счастьем и обретением гармонии: его реплики, представленные в конце текста, а также описание места его проживания говорят об оставшемся чувстве одиночества и тоски:

«Я подошла к окну и увидела **пустынную, залитую светом улицу** <...>

– Что ты увидела? – спросил Серёжа, – **Не на что там смотреть...**» (Вид из окна, с. 76).

«Ты знаешь, я однажды позвонил **домой**, в свою старую коммуналку... попросил к телефону Серёжу Клейна. <...> Иван Матвеевич... сказал мне в трубку: «Нет у них никого».

– Нет у них никого, – повторил он (Серёжа. – И. Р.) и помолчал немного» (Вид из окна, с. 77).

Называя свою комнату в коммуналке «домом», Серёжа подсознательно отказывается считать «домом» свой дом в Швеции и эксплицирует желание вернуться. В этом проявляется трагедия эмигрантов, покинувших дом и дом не нашедших, трагедия универсальная и в то же время индивидуально-личная.

Образ Серёжиной мамы в тексте рассказа даёт в оппозиции с образом рассказчицы и характеризуется такими деталями, как «**сигарета, кофе, книги Томаса Манна**», противопоставляемыми «**чаем с сахаром, бубликом с маком и рассказам Лескова**» (Вид из окна, с. 74).

Данная оппозиция, прочитываемая на сюжетном уровне как оппозиция вкусов, при рассмотрении её в контексте эпохи 60-х годов трансформируется в оппозицию образов жизни, типов сознания, наконец, общественных групп.

Судьбы однокурсниц рассказчицы демонстрируют различные варианты жизни человека с филологическим образованием в советский период:

«Смотрю на фотографию **первокурсниц: слева, чёрненькая, уедет в Америку и там процветёт. В центре, некрасивая, сделает партийную карьеру и перестанет узнавать однокурсников, а та, что справа, – красавица с длинной косой, – покончит с собой от безответной любви**» (Вид из окна, с. 75).

В первом случае – эмиграция и успешная карьера за границей, во втором – партийная карьера, причём выражение «**перестанет узнавать однокурсников**» выступает в качестве характеристики не только отдельного человека, но и типа людей, перестающих замечать, уважать и даже помнить знакомых людей при достижении каких-либо успехов или постов, отвечающей народной мудрости «**власть портит людей**».

Заключение

Таким образом, рассмотрев тексты Н. Н. Толстой, можно сделать вывод о том, что понятийный концепт, попадая в «интертекстовые блоки», способен проявлять языковое сознание нации на определённом историческом этапе и демонстрировать внеязыковую действительность того или иного периода.

В случае концепта ЖИЗНЬ в текстах Н. Н. Толстой мы смогли выявить следующие семантические варианты, отражающие культурную ситуацию в Советском Союзе в послевоенные и в 60-е годы, а также особенности мировоззрения и идеологии тех периодов:

1. Жизнь еврея в Советском Союзе как жизнь ненужного, лишнего, одинокого человека.
2. Жизнь эмигранта как жизнь человека преуспевающего, но одинокого.

3. Жизнь интеллигента в советском обществе как жизнь человека, отличающегося от большинства людей по уровню культуры и образу жизни.

4. Жизнь обычного советского человека, характеризующаяся низким уровнем быта.

Данное моделирование понятийного концепта ЖИЗНЬ затрагивает как специфику культурно-исторической ситуации определённого этапа в советском обществе, так и глубинные слои русского сознания и отражает национальные культурно обусловленные особенности русской ментальности в советский период.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в обращении к более широкому кругу произведений и функционирующих в них понятийных концептов, что позволит раскрыть данную проблему во всей ее многогранности и полноте.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
3. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003.
4. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Русское слово в мировой культуре: сб. докл. X конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка. Константы и динамика изменений / сб. ст. под ред. Н. О. Рогожиной, В. В. Химики, Е. Е. Юркова. СПб., 2003.
5. Колесов В. В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. № 16. Вып. 3. История, языкознание, литературоведение.
6. Мишатица Н. Л. Концепт как способ организации диалога культур // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация: мат. IV междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2001 г.). СПб., 2002.
7. Прибрам К. Языки мира. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1989.
8. Проскураков М. Р. Концептуальная структура текста. СПб., 2000.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
10. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
11. Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. 1978. Вып. 10.
12. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Серия 2. № 3.
13. Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français // Benveniste E. Problèmes de linguistique générale: en 2 tomes. P., 1966. T. 1.

Информация об авторах | Author information

RU

Ракова Ирина Владимировна¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;

Высшая школа международных образовательных программ, г. Санкт-Петербург

EN

Rakova Irina Vladimirovna¹, PhD

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;

Higher School of International Educational Programs, St. Petersburg

¹ irina_rakova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): концепт; интертекст; Н. Н. Толстая; рассказ; культурологический подтекст; concept; intertext; N. N. Tolstaya; short story; cultural subtext.